

XVIII $\frac{36}{33}$

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

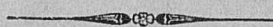
ИЗДАВАЕМЫЯ

при

ВЯТСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ.

1864.

№ 10.

ВЯТКА.

Въ Типографіи К. Блинова.

ВЯТСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 10. 1864 г. МАЯ 16-го.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ И ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА:

Распоряженіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода о недозволеніи открывать питейныя заведенія на церковныхъ земляхъ.

Его Превосходительство, господинъ синодальный оберъ-прокуроръ въ отношеніи къ Его Преосвященству отъ 28 марта сего года за № 1921 сообщилъ слѣдующее:

«По возбужденному вопросу, можетъ ли быть дозволено открытіе питейныхъ заведеній на церковныхъ земляхъ, Святѣйшій Синодъ входилъ въ разсмотрѣніе относящихся до сего предмета законоположеній.

При этомъ принято во вниманіе:

1. 316 ст. закон. сост. т. IX свод. 1857 воспрещено устроить на церковныхъ земляхъ питейныя и трактирныя заведенія.

2. Хотя Высочайше утвержденное 4 іюля 1861 года положеніе о питейномъ сборѣ замѣняетъ собою всѣ, существовавшія до введенія онаго въ дѣйствіе, правила торговли питьями, тѣмъ не менѣе вышеприведенная 316 статья остается во всей силѣ до настоящаго времени, такъ какъ въ изданномъ въ 1863 году продолженіи существующаго свода законовъ статья эта не значитя ни дополненною, ни измѣненною, или вовсе отмѣненною.

3. Въ положеніи 4 іюля нигдѣ не встрѣчается положительнаго правила, которымъ бы прямо разрѣшалось открывать питейныя заведенія на церковныхъ земляхъ; о послѣднихъ не упоминается и въ 243 статьѣ положенія, указывающей на какихъ земляхъ и какимъ порядкомъ могутъ быть дозволены сіи заведенія.

4. Къ отмѣнѣ же запретительной 316 ст. представляется уважительныхъ причинъ. Обширность населенныхъ и ненаселенныхъ пространствъ въ Имперіи даетъ желающимъ возможность строить питейныя заведенія, не касаясь церковныхъ земель.

5. Между тѣмъ земли эти въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій охранялись законодательствомъ отъ употребленія несогласнаго съ понятіемъ о назначеніи церковнаго имущества. Именными Высочайшими указами 2 апрѣля 1817 года (№ 26.764) и 20 іюля 1842 года § 316 (№ 15.872), положительно воспрещено заводить на церковныхъ земляхъ питейныя и трактирныя заведенія. На основаніи сихъ постановленій пра-

вило о неустроеніи означенныхъ заведеній на церковныхъ земляхъ вошло и въ дѣйствующій нынѣ сводъ законовъ и при постоянномъ соблюденіи его не могло не сдѣлаться извѣстнымъ народу.

По сему Святѣйшій Синодъ нашель, что отмѣна этаго, съ давняго времени утвердившагося въ нашемъ законодательствѣ, постановленія была бы, въ ходѣ правительственныхъ распоряженій, актомъ явно противорѣчущимъ духу нашего законодательства и небезсознаннымъ для народа».

Вмѣстѣ съ тѣмъ господинъ синодальный оберъ-прокуроръ препроводилъ къ Его Преосвященству копію циркулярнаго предписанія по настоящему предмету, послѣдовавшаго отъ министра финансовъ на имя губернскихъ управляющихъ питейно-акцизными сборами 10 марта, слѣдующаго содержания:

«На основаніи ст. 316 т. IX закон. о сост., на церковныхъ земляхъ не дозволяется устраивать питейныя и трактирныя заведенія. Вслѣдствіе сего и какъ въ уставѣ о питейномъ сборѣ нѣтъ прямаго указанія по сему предмету, нѣкоторые изъ управляющихъ питейно-акцизными сборами спрашиваютъ разрѣшенія: можетъ ли быть допущена продажа питей на земляхъ, принадлежащихъ церквамъ?»

Святѣйшій Синодъ, на обсужденіи коего находился изложенный вопросъ, нашель, какъ нынѣ увѣдомилъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, что приведенная 316 ст. т. IX закон. о сост., воспреещающая устраивать на церковныхъ земляхъ питейныя и трактирныя заведенія, должна сохранять свою силу и въ настоящее время, такъ какъ въ изданномъ въ 1863 г. продолженіи къ своду законовъ изд. 1857 года статья сія не

значится ни дополненною, ни измѣненною или отмѣненною.

Поставляя о семъ въ извѣстность гг. управляющихъ питейно-акцизными сборами для надлежащаго, въ потребныхъ случаяхъ, руководства и исполненія, считаю нужнымъ присовокупить, что изложенное въ 316 ст. т. IX ограниченіе относится исключительно до земель, принадлежащихъ церквамъ православнаго исповѣданія, не распространяясь на земли церквей другихъ исповѣданій. На земляхъ сихъ послѣднихъ питейныя заведенія, согласно отзыву министерства внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть открываемы не иначе, какъ съ согласія церковнаго причта и, сверхъ того, по мірскимъ приговорамъ, если церковная земля входитъ въ черту селеній, и съ согласія одного причта въ томъ случаѣ, когда церковная земля не входитъ въ составъ селеній. При этомъ во всякомъ случаѣ, согласно ст. 341 уст. о пит. сборѣ по прод. 1863 года (ст. 260 положенія), поименованныя въ оной питейныя заведенія не должны быть учреждаемы ближе 40 сажень отъ оградъ иновѣрныхъ христіанскихъ церквей, монастырей и кладбищъ во всѣ стороны.»

На вышенапечатанномъ отношеніи господина синодальнаго оберъ-прокурора послѣдовала въ 9 день мѣсяца апрѣля сего года резолюція Его Преосвященства такова: «для извѣстія епархіальному духовенству напечатать это отношеніе съ приложеніемъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, съ тѣмъ, чтобы благочинные и приходскіе священники строго слѣдили за исполненіемъ распоряженія Святейшаго Правительствующаго Синода.»

ИЗВѢСТІЯ.

а) *Объ изъясненіи благодарности лицамъ епархіального вѣдомства.*

— Священнику глазовскаго уѣзда села Ягошурскаго *Василію Дряину* за отлично-ревностное прохождение пастырскихъ обязанностей 11 марта объявлена благодарность Его Преосвященства.

— По репорту благочиннаго монастырей архимандрита *Павла* 20 января 1864 года о благосостояніи монастырей вятской епархіи за 2-ю половину 1864 года, настоятелю нештатнаго Спасо-Орловскаго монастыря, строителю, іеромонаху *Диодору*—за особенную заботливость объ украшеніи церквей и умноженіе выгодъ ввѣреннаго ему монастыря—преподано архипастырское Его Преосвященства благословеніе.

б) *О перемѣнахъ въ службѣ лицъ епархіального вѣдомства.*

— Священники: царевосанчурской Тихвинской церкви *Григорій Гусевъ* и села Кугушерскаго *Михаилъ Чистяковъ*, согласно прошенію, 4 апрѣля переведены одинъ на мѣсто другаго.

— Уволенный изъ нисшаго отдѣленія вятской духовной семинаріи ученикъ *Димитрій Орловъ*, согласно прошенію, 8 апрѣля допущень къ исправленію дьяческой должности въ село Вохминское слободскаго уѣзда съ принимаемымъ имъ на себя обязательствомъ вступить въ бракъ съ дочерію умершаго дьячка *Александра Ардашева* дѣвицею *Александрою*.

— Исключенный изъ высшаго отдѣленія вятскаго духовнаго училища ученикъ *Николай Емельяновъ*, согласно прошенію, 9 апрѣля допущень къ исправле-

нію причетнической должности въ селѣ Бахтинскомъ вятскаго уѣзда.

— Уволенный изъ высшаго отдѣленія вятской духовной семинаріи ученикъ *Павель Лопатинъ*, согласно прошенію, 13 апрѣля допущенъ къ исправленію должности псаломщика при вятскомъ каѳедральномъ соборѣ.

прибавленіе къ официальному отдѣлу Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

1) О продажѣ питей въ воскресные и табельные дни.

Въ разъясненіе недоразумѣній, встрѣченныхъ при примѣненіи ст. 356 уст. о питейномъ сборѣ св. зак. т. V (по продол. 1863 г.) о продажѣ питей въ воскресные и табельные дни, министерство финансовъ поставило въ извѣстность гг. управляющихъ питейно-акцизными сборами тѣхъ губерній, гдѣ означенныя недоразумѣнія возникли, что хотя по буквальному смыслу приведенной 356 ст. устава о пит. сборѣ, изд. 1863 г., въ воскресные и табельные дни, до окончанія въ приходской церкви божественной литургіи, въ портерныхъ лавкахъ, питейныхъ домахъ, шинкахъ, выставкахъ и въ ренсковыхъ погребахъ воспрещается только распивочная продажа, но какъ въ практическомъ примѣненіи нѣтъ возможности наблюсти, чтобы изъ питейныхъ заведеній, закрытыхъ для распивочной продажи, оная производилась только на выносъ, то поименованныя въ означенной 356 статьѣ устава питейныя заведенія, производящія продажу питей распивочно и на выносъ, въ воскресные и табельные дни, до окончанія въ приходской церкви божественной литургіи, должны быть закрыты для всякой продажи питей. О семъ департаментъ неокладныхъ сборовъ, въ видахъ однообразнаго примѣненія ст. 356 уст. о пит. сборѣ, изд. 1863 г., призналъ неизлишнимъ сообщить гг. управляющихъ питейно-акцизными сборами, для надлежащаго, въ потребныхъ случаяхъ, руководства. (Цирк. 24 Марта 1864 г. № 538).

(Слѣв. Почта).

(Изъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей—5 апр. 1864 г. № 75).

2) Извлечение из приложения к п. а) ст. 23 положения о земских учреждениях.

Размѣръ земли, дающій право участвовать въ избраніи гласныхъ, по Вятской губерніи слѣдующій:

уѣзды: елабужскій	}	250	десятинъ.
малмыжскій			
саранульскій			
уржумскій и яранскій			
глазовскій и слободскій	}	475	десятинъ.
остальные			

Извлечение из приложения к ст. 53 и 51 положения о земскихъ учреждениях.

Число гласныхъ, избираемыхъ въ земскія собранія, на первое трехлѣтіе, съ открытія земскихъ учреждений, въ Вятской губерніи слѣдующее:

Число гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ.

уѣзды:	Отъ зем- левладѣль- цевъ.	Отъ горо- довъ.	Отъ сель- скихъ об- ществъ.	Ито- го.	Число глас- ныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ.
вятскій	4.	7.	8.	19.	3.
глазовскій	22.	2.	24.	48.	8.
елабужскій	9.	4.	13.	26.	4.
котельническій	4.	2.	6.	12.	2.
малмыжскій	4.	2.	6.	12.	2.
нолинскій	4.	2.	6.	12.	2.
орловскій	4.	2.	6.	12.	2.
саранульскій	3.	4.	6.	13.	2.
слободскій	9.	4.	13.	26.	4.
уржумскій	8.	2.	10.	20.	3.
яранскій	7.	2.	9.	18.	3.
зашт. г. Царе- всанчурскъ.					35.

Приложение къ ст. 108 положения о земскихъ учрежденіяхъ.

ПРАВИЛА

о земской росписи, земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ.

1. Земская роспись содержитъ краткое перечисленіе земскихъ потребностей губерніи или уѣзда и источниковъ ихъ удовлетворенія.

2. Земская роспись составляется земскимъ собраніемъ, на основаніи земскихъ смѣтъ, немедленно по разсмотрѣніи и утвержденіи оныхъ собраніемъ.

3. Земская роспись составляется ежегодно и раздѣляется на двѣ части: роспись денежныхъ доходовъ и расходовъ земства и роспись земскихъ потребностей, натуральною повинностію удовлетворяемымъ.

4. Земскія смѣты раздѣляются на смѣты денежныхъ доходовъ и расходовъ и смѣты потребностей, удовлетворяемыхъ натуральною повинностію.

Примѣчаніе. Земскія учрежденія, для облегченія ихъ при составленіи земской росписи и земскихъ смѣтъ и раскладокъ, снабжаются образцами оныхъ, составленными по взаимному соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

5. Земскія смѣты составляются на каждый слѣдующій годъ: уѣздныя—уѣздными земскими управами въ августѣ мѣсяцѣ, а губернскія—губернскими управами въ октябрѣ мѣсяцѣ истекающаго года.

6. Уѣздныя земскія управы обязаны озаботиться заблаговременно собраніемъ необходимыхъ для уѣздныхъ смѣтъ свѣдѣній; онѣ же собираютъ и доставляютъ къ 15 сентября каждаго года, по указаніямъ губернскихъ управъ, мѣстныя по уѣзду свѣдѣнія, необходимыя симъ управамъ для губернской смѣты.

(Продолженіе будетъ).

СОДЕРЖАНІЕ: I) Распоряженіе Святѣйшаго Синода. II) Извѣстія. Прибавленіе къ офиц. отдѣлу: 1) О продажѣ путей... 2) Извлеченія изъ приложений къ положенію о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ.

Дозволено цензурою. 15 апрѣля 1864 года.

Вятка. Въ типографіи К. Блинова.

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 10. 1864 г. МАЯ 16-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ПОУЧЕНІЯ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЕЦЪ, НА КАЖДЫЙ
ДЕНЬ ГОДА.

(Продолженіе).

Мѣсяца октября на 5-й день.

*О дѣйствіяхъ Св. Духа. Св. Василия Великаго о
вѣрѣ, ч. 2, бес. 15.*

Какъ Отецъ единъ, и Сынъ единъ: такъ единъ и Святой Духъ; между тѣмъ какъ служебные духи каждаго чина являются намъ въ неизчислимомъ множествѣ. И такъ не ищи въ твореніи того, что превыше творенія. Не смѣшивай Освящающаго съ освящаемымъ: ибо Онъ (Духъ Святой) исполняетъ ангеловъ, исполняетъ архангеловъ, освящаетъ силы, животворитъ все, всѣмъ сообщаетъ благодать Свою, пребывая однакоже цѣлымъ и нераздѣлимымъ. Онъ всѣхъ просвѣщаетъ къ познанію Бога;

Онъ производитъ вдохновенія въ пророкахъ, умудряетъ законодателей, освящаетъ священниковъ, укрѣпляетъ царей, совершенствуетъ праведныхъ, разрѣшаетъ узниковъ, усыновляетъ чуждыхъ. Все сіе производитъ Онъ чрезъ возрожденіе свыше. Приемлетъ увѣровавшаго мытаря и творитъ его евангелистомъ (Мѡ. 9, 9), входитъ въ рыбака и содѣлываетъ его богословомъ (Мѡ. 4, 19); обрѣтаетъ кающагося гонителя, и творитъ его апостоломъ языковъ, проповѣдникомъ вѣры, сосудомъ избраннымъ (Дѣян. 9, 15). Имъ немощные укрѣпляются, бѣдные обогащаются, невѣжды въ словѣ становятся премудрѣе мудрецовъ. Павелъ былъ немощенъ, но послѣ того, какъ удостоился принять Святаго Духа, самые платки, отиравшіе потъ съ тѣла Апостола, доставляли исцѣленіе тѣмъ, на которыхъ возлагались (Дѣян. 19, 22). Петръ былъ обложенъ немощнымъ тѣломъ, но силою обитающей въ немъ благодати Духа, самая тѣнь, падающая отъ тѣла его прогоняла болѣзни недужныхъ (Дѣян. 5, 15). Бѣдны были Петръ и Іоаннъ, не имѣли серебра и золота (Дѣян. 3, 6), но даровали здравіе, драгоцѣннѣйшее золота; ибо хромою, хотя и отъ многихъ принималъ золото, но все просилъ милостыни, а когда отъ Петра получилъ милостыню, то пересталъ просить, началъ скакать какъ олень, и хвалить Бога (Дѣян. 3, 8). Іоаннъ не зналъ мірской мудрости, но тою же силою Духа изрекъ такія истины, до которыхъ не можетъ вознестись созерцаніемъ никакая человѣческая мудрость.

Сей Духъ и на небеси существуетъ и землю исполняетъ, всюду присутствуетъ, и ничѣмъ не объемлется. Всецѣло обитаетъ въ каждомъ, и въ то же время всецѣло пребываетъ съ Богомъ, неподчиняясь никому, и неограничиваясь ничѣмъ. Онъ не служебно раздаетъ дары, но самовластно раздѣляетъ дарованія: ибо *раздѣляетъ* какъ сказано, *властію коелуждо, якоже хочетъ* (1 Кор. 12, 11). Хотя посылается Раздаятелемъ и Строителемъ спасенія, но дѣйствуетъ собственною Своею властію.

Будемъ молить Его, чтобы Онъ присутствовалъ въ душахъ нашихъ и никогда не оставлялъ насъ, по благодати Господа нашего, Иисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ.

СЛОВО

На вечерни Св. Пасхи, по прочтеніи Евангелія Іоан. зач. 65.

Сейчасъ прочтено для насъ евангельское повѣствованіе о явленіи Господа нашего Иисуса Христа св. ученикамъ Его, въ общемъ ихъ собраніи, въ вечеръ перваго дня Его воскресенія. Описанное въ этомъ Евангеліи событіе, въ настоящія—вечернія минуты перваго же дня нашего свѣтлаго праздника и въ общемъ же собраніи нашемъ, представляется предметомъ для размышленія и собесѣдованія съ вами, братіе, не только приличнымъ времени, но и самымъ близкимъ къ сердцу и мыслямъ

каждаго изъ васъ. И потому надѣмся мы, что не утомится благонастроенный слухъ вашъ, если мы еще повторимъ тоже евангельское чтеніе, и припомнимъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ тѣхъ уроковъ христіанскаго благочестія, къ какимъ оно приводитъ насъ.

Изъ Евангелія слышали мы слѣдующее: «въ первый день недѣли, вечеромъ, когда двери дома, въ которомъ собрались ученики Христовы, закрыты были по опасенію отъ Іудеевъ, пришелъ Иисусъ и сталъ посреди ихъ и говоритъ имъ: миръ вамъ. Сказавъ сіе, Онъ показалъ имъ руки и ноги и бокъ Свой. Ученики обрадовались, увидя Господа. Иисусъ же сказалъ имъ вторично: миръ вамъ» (Іоан. 20, 19—21).—Остановимся здѣсь на минуту.

Не трудно понять, что ученики Христовы, въ это время, предъ явленіемъ къ нимъ Господа, находились въ состояніи страха и скорби. Прежде всего они опасались Іудеевъ, зная, что съ вѣстію о воскресеніи Христовомъ разнесится и оскорбительная клевета на нихъ, какъ похитителей распятаго Иисуса, и что клевета сія распространяется по наученію тѣхъ же сильныхъ и злобныхъ начальниковъ Іудейскихъ (Мѡ. 28, 12, 13), которые такъ были жестоки въ отношеніи къ Иисусу Христу, и которымъ не отъ чего было затрудниться—повторить и надъ ними ужасы послѣднихъ дней. За тѣмъ и самое размышленіе апостоловъ объ Иисусѣ Христѣ едвали не болѣе возбуждало и поддерживало въ нихъ печаль, нежели утѣшало ихъ. Если нѣ-

сколько и ослабѣла уже мучительная колеблемость ихъ въ убѣжденіяхъ о воскресеніи Христовомъ: то и при увѣренности, что Христосъ живъ, и при сильномъ отъ того желаніи видѣть возлюбленнаго Учителя своего, не могло не тревожить чувствительныя ихъ души самое тяжелое ощущеніе виновности ихъ предъ Нимъ,—мысль о томъ, что не умѣли они побѣть съ Господомъ въ уединеніи геосиманскомъ, а въ минуты послѣдней опасности и вовсе оставили Его, разбѣжавшись.

Въ это-то время страха и сердечной скорби учениковъ Христовыхъ, является между ними Господь І. Христосъ, и, чтобы утишить въ нихъ болѣзненное волненіе душевное, двукратно преподаетъ имъ миръ, показывая вмѣстѣ и раны Свой, для совершеннаго увѣренія ихъ въ Своемъ воскресеніи. Какъ во всякое другое время Спаситель преимущественно служилъ страждущему человѣчеству: такъ и нынѣ поспѣшилъ Онъ въ среду печальныхъ и трепетныхъ меньшихъ братій своихъ съ утѣшеніемъ и успокоеніемъ, лишь только собрались они для общаго по Немъ сѣтованія. «Христосъ не далъ миновать и одному дню, говорить св. Златоустъ, чтобы не тревожились мыслями Его ученики; но въ тотъ же день, по наступленіи вечера, когда они горѣли желаніемъ видѣть Его, и были одержимы страхомъ, предсталъ предъ ними» (Бесѣда 68 на Ев. отъ Іоан.). Въ послѣдствіе сего явленія съ любовью и миромъ, скорбѣвшіе ученики обрадовались, увидя Господа.

Ни съ чьей конечно стороны не встрѣтимъ мы сомнѣнія или недоумѣнія въ томъ, что духъ Христовой любви долженъ управлять и нашими сердца-ми, при всѣхъ отношеніяхъ нашихъ къ ближнимъ. Съ своей стороны охотно признаемъ, что въ нашихъ общеніяхъ дружбы и знакомствъ, если онѣ устроятся и поддерживаются не изъ суетныхъ видовъ или расчетовъ и не по привычкѣ къ жизни разсѣянной, дышетъ и проявляется любовь неподдѣльная. Не отрицаемъ мы, что даже и при нынѣшнихъ посѣщеніяхъ нашихъ другъ—другомъ для взаимныхъ привѣтствій, большая часть изъ насъ руководствуются побужденіями той же любви, и одни спѣшатъ къ своимъ близкимъ съ желаніемъ—возвысить, такъ сказать, праздничную радость любимыхъ ими лицъ, а другіе не опускаютъ общепринятаго обычая изъ опасенія—не нарушить бы душевнаго мира и удовольствія лицъ, ими уважаемыхъ. Но спросимъ себя: радѣемъ ли мы, и всегда ли радѣемъ, дѣлать съ ближними не удовольствіе только и радости ихъ, а и бѣдствія и скорби? Въ особенности, ко всѣмъ ли бѣдствующимъ и скорбящимъ, каковы бы ни были они въ отношеніи къ намъ, по одной мысли о братствѣ ихъ съ нами во Христѣ,—ко всѣмъ ли имъ мы внимательны, благожелательны и благотворительны? Слѣша заявлять свое сочувствіе ближнимъ, связаннымъ съ нами узами исключительной общительности, притомъ чаще счастливымъ и довольнымъ, нежели сътующимъ и нуждающимся, и—не безъ надежды на ихъ вза-

имность, не забываемъ ли мы, и даже не презираемъ ли, тѣхъ ближнихъ же нашихъ во Христѣ, внѣ этого круга, которые отъ постоянныхъ душевныхъ тревогъ и житейскихъ нуждъ, быть можетъ, уже слабѣютъ въ способности радоваться, и среди общаго веселія умѣютъ только страдать? Вотъ этихъ-то несчастныхъ надлежало бы намъ, по духу любви Христовой, всегда имѣть въ виду и радовать, чѣмъ можемъ; къ нимъ-то и нынѣ посѣщать слѣдовало бы намъ, даже прежде другихъ, съ утѣшеніемъ и успокоеніемъ; ихъ-то не нужно было бы намъ по крайней мѣрѣ отталкивать отъ себя, когда сами они осмѣливаются говорить намъ о своихъ скорбяхъ и ищутъ нашего вниманія и сочувствія себѣ; этимъ-то страдальцамъ должно было бы намъ оказывать охотно, и нынѣ и всегда, свою заботливую любовь и дѣятельное участіе, не отдавая ихъ попечительности только служителей Церкви, которые и въ иное время по возможности успокоиваютъ ихъ, а нынѣ, можетъ быть, одни нѣсколько утѣшатъ, посѣтивъ жилища ихъ съ Крестомъ въ рукахъ и съ радостною пѣснію воскресенія въ устахъ. Иначе отрицаясь отъ долга успокоенія и утѣшенія всякаго бѣдствующаго и скорбящаго, мы унизимъ христіанское достоинство самыхъ искреннихъ нашихъ связей, дружбы и знакомства, и къ намъ прямо относятся будутъ слова Христовы: *аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите: не и язычницы ли такожде творятъ* (Мат. 5, 47)?

Обратимся еще къ чтенному теперь Евангелію. Лишь только водворились среди апостоловъ, послѣ явленія къ нимъ Господа, спокойствіе и радость,—тотчасъ же обыкновенное помѣщеніе ихъ обращается во храмъ, и совершается тамъ посвященіе учениковъ Христовыхъ въ служеніе спасенію нашему. «Какъ послалъ Меня Отець, сказалъ имъ Христосъ, такъ и я посылаю васъ. И потомъ дунуль Онъ и говоритъ имъ: примите Духъ Святой. Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся» (Іоан. 20, 21—23).—*Сушу поздъ*, въ глубокой вечеръ, высокой и чисто-духовный предметъ занимаетъ апостоловъ! Утомленные тревогами цѣлаго дня и душевными потрясеніями, они принимаютъ отъ Спасителя тяжелый и болѣзненный трудъ—устроить спасеніе челоуѣковъ,—какъ будто забыта самая потребность сна!

Становится стыдно, когда сличаешь съ этимъ сказаніемъ наше иногда времяпровожденіе въ вечерніе и ночные часы. Думается, какъ бы должны быть внимательны къ себѣ въ это время мы сами, когда такъ заботливы о душахъ нашихъ другіе!—Вечернее и ночное время—самое дорогое для духа нашего время. По нуждамъ житейскимъ, отдавая дневные часы, иногда сполна, трудамъ земнымъ, которые, при всей безупречности и чистотѣ своей, не удовлетворяютъ потребностямъ сердца, а иногда способствуютъ даже огрубѣнію его, мы имѣемъ свободнымъ для заботъ о духѣ преимущественно

время, предшествующее сну. Въ это время, послѣ тѣлесныхъ трудовъ, явственнѣе должны ощущаться потребности духовныя, и духовнымъ упражненіямъ нашимъ очень можетъ не препятствовать никакое неизбежное развлеченіе. Въ это время духъ нашъ имѣетъ и особенную нужду въ добромъ настроеніи, чтобы самодѣятельность его во снѣ была правильна и тверда, и чрезъ то постепенно приучался бы онъ освобождаться, и при дневномъ дѣйствованіи нашемъ, отъ преобладающаго вліянія на него тѣла и житейскихъ предметовъ. Вечернее и ночное время можно назвать даже священнымъ для христіанъ временемъ: живя на землѣ, Спаситель нашъ въ это время часто уединялся для молитвы и—конечно за наши грѣхи и за наше спасеніе; вечеромъ установилъ Онъ для насъ спасительнѣйшее изъ таинствъ—таинство причащенія; въ ночь за тѣмъ, для облегченія и умирненія совѣсти нашей, до кроваваго пота подвизался Онъ въ саду Геосиманскомъ, и потомъ для полнаго искупленія нашего, отдался на страданія; въ полунощный часъ осіялъ Онъ насъ радостнѣйшимъ свѣтомъ Своего воскресенія; въ полунощный же часъ, какъ женихъ Церкви, Онъ воззоветъ во срѣтеніе Себѣ всѣхъ насъ, и надобно будетъ идти къ Нему съ приготовленными уже и возжженными свѣтильниками вѣры, любви и чистоты. По такимъ побужденіямъ и воспоминаніямъ естественно бы намъ—предшествующее сну время употреблять исключительно въ пользу душъ своихъ, посвящая его бого-

мыслию, предпріятіямъ и занятіямъ благочестивымъ, упражненіямъ и подвигамъ спасительнымъ. Но такъ ли бываетъ между нами? Напр. то и дѣло издали мы слышимъ, а вблизи видимъ, какъ на это время устроятся разнообразныя и затѣйливыя увеселенія, на которыхъ такіе же, какъ мы, люди—христіане приносятъ въ жертву самоугодію нашему избобрѣтательности ума своего и физическія силы, и при которыхъ утрачиваются наши добрыя навыки, разсѣваются святыя чувства, безъ пользы гибнутъ наши избытки, а иногда и все состояніе расточается, и жизнь постепенно пустѣетъ. Справедливо ли и благоразумно ли такъ поступать христіанину,—меньше и рѣже всего думать о своей душѣ и о своемъ спасеніи, въ самые благопріятныя для того часы?

Особенно желалось бы намъ охранить святость такихъ праздниковъ, каковъ нынѣшній. Въ минувшій нынѣ день уже огласился слухъ нѣкоторыхъ нескромными пѣснями, уже положено начало нецѣломудренныхъ зрѣлищъ, на мѣстѣ открытомъ. Лучше ли дня будутъ наступившій и послѣдующіе вечера нашего великаго праздника? Не дозволить себѣ, братіе, забываться, *вспоминая Господа нашего Иисуса Христа, оставшаго отъ мертвыхъ* (2 Тим. 2, 8)—насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія. Аминь.

П. В. Катаевъ.

ЧТО ЗНАЧИТЬ БЫТЬ СВОБОДНЫМЪ?

Всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха (Іоан. 8, 34.).

По ученію слова Божія, беззаконникъ не можетъ быть свободнымъ, и пользоваться величайшими плодами истинной свободы. *Всякъ творяй грѣхъ, говоритъ оно, рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34.). *Всякій творящій грѣхъ преступаетъ законъ: и грѣхъ есть преступленіе закона* (1 Іоан. 5, 4.). Христіанинъ—не по имени только, но христіанинъ въ душѣ—въ жизни, сообразной съ искреннею вѣрою во Христа и Его св. ученіемъ, по собственному опыту знаетъ непрерываемую истину словъ Иисуса Христа, которыя сказаны были къ увѣровавшимъ Іудеямъ: *ище пребудете въ словеса Моихъ, воистинну ученицы мои будете. И узрѣте истину, и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 31, 32.). *Имѣя помазаніе отъ Св. Духа, вступивши чрезъ вѣру Христову въ истинную жизнь духовную, христіанинъ имѣтъ свидѣтельство въ себѣ* (1 Іоан. 3, 10.), и не требуетъ, да кто учитъ его св. истинѣ; между другими глубокими истинами познанія, христіанинъ имѣтъ глубокое и живое познаніе о существѣ и плодахъ истинной свободы. Жить по закону Христову—вотъ единственная, по его убѣжденію свобода; отступить отъ закона—это значитъ, по такому же его глубокому убѣжденію, стать совершеннымъ рабомъ, жалкимъ плѣнникомъ грѣха, изъ сына свѣта содѣлаться членомъ темнаго, мертвящаго царства дьявольскаго. Разсуждая такимъ образомъ, истинный хри-

христіанинъ не знаетъ неволи, если бы даже за святую правду пришлось ему и страдать. Лишеніе гражданскихъ правъ, оковы, заключеніе въ темницу, ссылки, тяжелыя работы и наконецъ мученическая смерть—все это нимало не заглушало въ душахъ древнихъ исповѣдниковъ Христовой вѣры—истинныхъ послѣдователей Христова ученія,—не убивало чувства истинной свободы. Намъ извѣстно, что темницы, въ которыя ввергали благочестивыхъ исповѣдниковъ, оглашались ихъ хвалебными свѣдѣніями. У разведеннаго костра, при видѣ раскаленной желѣзной рѣшетки, на которой мучители готовятся изжарить тѣло благочестивыхъ и вѣрующихъ людей, казалось бы всего естественнѣе сознать свое безвыходное, беспомощное состояніе, сознать свое безсиліе и возскорбѣть о потерѣ свободы; но нѣтъ:—ни жалобы, ни прошенія объ освобожденіи, ни малѣйшей тѣни смущенія на лицѣ—ничего подобнаго не заявляли св. исповѣдники. Зато, глубокая скорбь овладѣвала св. исповѣдниками, когда они видѣли свободу нечестія языческаго міра, и особенно—когда, по страху мученій, по мірскимъ связямъ, кто либо изъ христіанъ отказывался отъ свободы вѣры и становился язычникомъ. Такъ и всегда въ глазахъ истиннаго христіанина не только временныя, земныя блага, но и самая настоящая жизнь не имѣютъ никакого значенія, если человѣкъ не живетъ сообразно съ закономъ Христовымъ и предается въ рабство пороковъ и страстей. И всегда, по понятіямъ христіанина, без-

законіе есть невыносимое рабство, какъ бы оно ни торжествовало, какъ бы ни величалось своею разнуданностію, своею кажущеюся свободою. *Всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха.*

Не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что особенно въ наше время рѣдко и очень рѣдко встрѣчаются люди съ такимъ свѣтлымъ убѣжденіемъ, которое оправдывалось бы и въ жизни, строго подчиненной закону Христову,—жизни *премудрой, кроткой, благопокорливой, исполненной милости и плодовъ благихъ* (Іак. 3, 17). Въ настоящее время весьма не велико число людей, которые сознательно, съ любовію готовы подчиняться и вообще какому бы то ни было закону, а тѣмъ болѣе—высшему, всеобъемлющему, божественному закону Христову. Сколько есть людей, которые, хотя и исполняютъ общественные законы, но не охотно, всегда съ тайнымъ желаніемъ—освободиться отъ *труда* строгаго и точнаго исполненія ихъ. Сколько есть людей, которые дѣлаютъ *дѣло* только для видимости, изъ опасенія не лишиться пропитанія, но которые никогда не постараются войти въ духъ закона, чтобы добросовѣстно послужить и своей—частной и общественной пользѣ! Очевидно, какъ не расположены эти лица къ закону,—какъ они усиленно желали бы совершенной независимости. Неудивительно, что отъ подобныхъ людей, вы услышите много громкихъ фразъ, укоровъ, жалобъ—и все—противъ стѣсненій, которые происходятъ будто бы отъ существующихъ порядковъ и все—изъ

желанія—насладиться полной «волей», совершенной «свободой». Во имя свободы говорятъ, а не рѣдко и пишутъ о такихъ вещахъ, которыя противорѣчатъ здравому смыслу, и возмущаютъ нравственное чувство; безбоязненно встаютъ противъ св. истины вѣры, противъ вѣковыхъ, благотворныхъ, священныхъ, государственныхъ законовъ. Подъ знаменемъ свободы, не знаютъ границъ въ беззаконіи; заглушаютъ голосъ совѣсти,—и требованія развращеннаго сердца полагаютъ закономъ своей жизни. Для людей съ такимъ направленіемъ нѣтъ грѣха; все у нихъ—естественно, и потому закономерно. Произволь,—вотъ начало ихъ жизни. Широка, заманчива, повидимому, эта жизнь, но *последняя ея зрятъ во дно адаво*. Естественно такъ вести себя человѣку, чрезъ грѣхъ поврежденному; но это не значить, что, такъ, а не иначе, и *должно быть*. Всякій соглашающійся съ ходячими понятіями о свободѣ увидѣлъ бы всю нелѣпость такого взгляда, если бы внимательно прислушивался къ ученію вѣры. Впрочемъ и тотъ, кто не руководится въ своей жизни одною вѣрою, при свѣтѣ одного человѣческаго здраваго смысла, можетъ легко увидѣть, какъ не разумно понимать свободу въ смыслѣ отрицанія всѣхъ законовъ—и особенно нравственнаго, христіанскаго закона. Понимая въ отрицательномъ значеніи свободу, желая осуществить это понятіе, взрослые уподобляются дѣтямъ, для которыхъ несравненно дороже и пріятнѣе—рѣзвиться и бѣгать, чѣмъ учиться и приобрѣтать познанія

полезныя въ жизни. Поборники безусловной «свободы», или—что тоже—совершенной независимости, совершенно не понимаютъ, въ чемъ состоитъ благо нашей жизни, и увлекаются обманчивымъ призракомъ.

Законъ и подчиненіе ему—вотъ основаніе нашей истинно-человѣческой, истинно-свободной и счастливой жизни (хотя бы даже только временной, если уже вѣчность не составляетъ для многихъ предмета вѣры и надежды). Это—требованіе нашей природы, надъ которымъ мы не можемъ возвыситься! Самостоятельная, истинно-свободная жизнь совершенно не возможна для человѣка, при совершенномъ неуваженіи къ закону. Гдѣ нѣтъ власти закона, тамъ самое тяжелое рабство человѣка. Только при неумѣнн или нежеланн разсуждать здраво можно искать совершенной независимости, или такъ называемой, безусловной свободы. Всѣ стороны, съ какихъ можно смотрѣть на жизнь человѣка свидѣтельствуютъ не въ пользу безусловной свободы человѣка.

Опытъ показываетъ намъ ту строгую зависимость, въ какой человѣкъ по тѣлесной своей природѣ находится въ отношеніи къ законамъ видимой природы, такъ что уже одинъ этотъ намекъ долженъ отрезвлять всякаго необузданнаго любителя и искателя безусловной свободы. Человѣкъ одной стороной своего бытія тѣсно примыкаетъ къ природѣ видимой, а природа подчинена столь строгимъ законамъ, что уничтожить требованія ихъ, измѣ-

нить порядокъ проявленія ихъ, уменьшить или увеличить число ихъ, человекъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности. Мы не думаемъ, чтобы нужно было стараться объ уясненіи этой истины,—дѣло ясно само собою. Обычной своей чредой происходятъ суточные, мѣсячныя и годовыя перемѣны, утро и вечеръ, день и ночь, весна и лѣто, осень и зима; огонь жжетъ; тяжесть падаетъ къ центру земли; идетъ снѣгъ, градъ, дождь; развивается сѣмя, наливаетъ и созрѣваетъ колось; образуется почка на деревѣ, является плодъ,—эти немногія явленія и безчисленное множество другихъ подчинены своимъ неизмѣннымъ законамъ. Если же человекъ по тѣлесной своей природѣ не можетъ удалиться изъ области видимой природы, и тѣснѣйшимъ образомъ соединенъ съ земною планетою; то какъ не придти къ мысли, что безъ закона, съ безусловной свободой человекъ не возможно и жить даже. Легко вообразить себя полновластнымъ, не знающимъ никакихъ законныхъ ограниченій, обладателемъ природы видимой, когда она сама отвѣчаетъ нуждамъ человека. Но уже то самое, что не въ себѣ только, но и въ природѣ человекъ находитъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ, наглядно показываетъ ограниченность его. По необходимости человекъ долженъ отказаться отъ своего желанія—быть совершенно независимымъ, когда природа становится скупа на свои дары. Придетъ ли въ голову мысль о мнимой безусловной свободѣ, когда нужда занесла человека въ глубокой сѣверь,

гдѣ при недостаткѣ жизненныхъ средствъ, среди снѣговъ и льдовъ, едва можно дышать отъ жестокаго холода. Смирненное сознание ограниченности должно заступить мѣсто необдуманной увѣренности человѣка въ своей безусловной независимости, когда, палимый зноемъ въ пустынь, томимый жаждою, онъ не можетъ найти источника. Правда, человѣкъ имѣетъ власть надъ природою; но, во первыхъ, эта власть, со времени паденія его, весьма ограничена; далѣе—должно сказать и то, что, и владея природою въ самой меньшей мѣрѣ, человѣкъ и тогда не выходитъ изъ подчиненія ея законамъ. Съ перваго взгляда кажется, что всѣ изобрѣтенія, которыя улучшаютъ матеріальное благосостояніе человѣка и покоряютъ ему въ извѣстной мѣрѣ природу—дѣло чисто ума человеческого. «Были умные люди, и устроили плугъ для обработыванія земли, корабль и пароходъ для плаванія по водѣ, желѣзную дорогу для переѣзда на сушѣ» и т. п. Такъ кажется съ перваго взгляда; но, при внимательномъ обсужденіи, этого никакъ нельзя допустить, безъ ограниченія. Какъ бы ни проницателенъ былъ человѣческій умъ, онъ не произведетъ воды изъ углерода и азота, или изъ чего-либо другаго; силу пара не замѣнитъ деревомъ или камнемъ; на чистомъ пескѣ, на одной водѣ, въ одномъ воздухѣ, не выроститъ деревъ или травъ. Всѣ законы естественные, на основаніи которыхъ дѣлаются различныя улучшенія въ временной жизни человѣка, которые усиливаютъ власть его надъ

видимой природой, открыты въ дѣйствующихъ силахъ природы, а не вымышлены человѣческимъ умомъ; умъ узналъ только то, что есть, и этимъ воспользовался.—Франклинъ, Вольтъ и другіе великіе естествоиспытатели—это ученики, а не творцы природы. Они изучали книгу природы, изучали ее внимательно, не прибавляя и не убавляя ничего изъ ея чертъ; оттого ихъ открытія и изобрѣтенія имѣютъ значеніе всеобщихъ законовъ, а не личныхъ мнѣній; оттого онѣ и находятъ свое оправданіе, свою повѣрку и свое приложеніе въ опытѣ.—Итакъ, если очевидно для всякаго, что человѣкъ находится въ тѣснѣйшей связи съ природой по тѣлесной своей природѣ; то необходимо согласиться, что совершенная независимость человѣка—свобода, понимаемая въ смыслѣ отрицанія всѣхъ законовъ,—ни что иное, какъ пустая мечта.

Опытъ свидѣтельствуетъ, что человѣку свойственна и необходима общественная жизнь. Только при этомъ условіи человѣкъ выходитъ изъ дикаго состоянія, становится благоустроеннымъ и обеспеченнымъ гражданиномъ, достигаетъ извѣстной степени умственного и нравственного развитія. Только въ такомъ случаѣ человѣкъ перестаетъ быть жалкимъ, беспомощнымъ дикаремъ, и является въ жизни существомъ болѣе или менѣе разумно-свободнымъ. По этому, частныя лица составляютъ изъ себя общества; а общества образуютъ болѣе или менѣе благоустроенныя государства; естественно являются опредѣленные законы, какъ охранители

жизни и правъ каждого лица, и т. обр. опредѣляютъ мирныя отношенія между членами и обществомъ и государствомъ. Законъ возлагаетъ на лице извѣстныя обязанности, и въ сѣть съ этимъ ограниченіемъ даетъ ему просторъ его жизни, даетъ ему права и ограждаетъ ихъ неприкосновенность. Такимъ образомъ свобода является ограниченою закономъ и презъ то огражденою отъ насильственныхъ постороннихъ притязаній.— Искатели совершенной независимости не хотятъ мириться съ такимъ порядкомъ жизни;—тяжелы для нихъ общественныя и государственныя законы. Но, если бы они потрудились размыслить о своемъ желаніи, то увидѣли бы всю несостоятельность своего желанія, увидѣли бы то противорѣчіе, въ какое они ставятъ самихъ себя, и—тѣ гибельныя послѣдствія, какія должны явиться непременно, коль скоро ихъ желаніе удовлетворилось бы. Люди, для которыхъ невыносимо всякое ограниченіе закона, которые желаютъ жить и дѣйствовать только по своему желанію,—эти люди забываютъ, что они—не одно лице на землѣ, и что, кромѣ ихъ, есть многое множество подобныхъ имъ людей. По этому, отрицая всякія ограниченія закона въ пользу своей личной жизни на томъ основаніи, что такъ живется, такъ хочется жить, любитель необузданной свободы долженъ согласиться, что на томъ же самомъ основаніи могутъ пользоваться совершенною независимостію и другіе; но допустить это не значитъ ли положить вамень преткновенія самому себѣ?! Вы имѣете ко

мнѣ отношенія, потому что мы живемъ вмѣстѣ. Вы дѣйствуете по своему личному расположенію, и для своей личной выгоды. Но это мнѣ не нравится, это для меня стѣснительно. Вы требуете непремѣннаго исполненія вашихъ желаній, я требую исполненія моихъ. Кто же насъ помирить? И кто имѣетъ право судить меня или васъ по своему личному расположенію? Почему этотъ судъ для насъ будетъ обязательенъ? Такимъ образомъ не только между многими, но даже между двумя лицами нѣтъ и не можетъ быть сходства мыслей и желаній, которое соотвѣтствовало бы желанію совершенной независимости; и, следовательно, это желаніе не осуществимо.

И какія величайшія бѣдствія распространились бы въ человѣческомъ мірѣ, если бы нормальный порядокъ общественной жизни, опредѣляемый въ-ковыми законами, измѣнился ради безграничныхъ требованій каждаго лица? Совершенная независимость нехочетъ знать никакого закона; она дѣйствуетъ или хочетъ дѣйствовать произвольно; въ силу такой независимости можно вести себя въ отношеніи къ другимъ людямъ, какъ только вздумается, не смотря на то, пріятно ли и полезно ли то будетъ для другихъ или нѣтъ. И вотъ неизбежное начало, изъ котораго сами собою должны протекать безчисленные, горькія ограниченія. Исторія доказала, къ чему приводитъ необузданная воля человѣка и отрицаніе всѣхъ законовъ положительныхъ. Время, такъ называемаго, кулачнаго

права» (въ среднія вѣка), когда произволъ былъ началомъ жизни общественной, есть самое темное, бѣдственное время. Тогда право сильнаго рѣшало все, и потому тогда не было простора ни для свободной мысли, ни для свободной жизни. Тогда и собственность, и жизнь бѣднаго и богатаго, собственника и пролетарія каждую минуту находились въ опасности. По дорогамъ и въ домахъ грабили и разбойничали безнаказанно. Тоже самое должно повторяться и въ каждомъ обществѣ, если члены его позволять себѣ безграничную свободу. Потому же праву, какое я, какъ членъ общества, присвою себѣ, и со мною могутъ обращаться другіе. Обиженный мною не замедлитъ отвѣтить и мнѣ мщеніемъ; да и не обиженный, но капризный, злой сосѣдь, пользуясь совершенною независимостію, наговоритъ, надѣлаетъ мнѣ тысячу оскорбленій и непріятностей. Это ли счастливая независимость, это ли золотая свобода, которой такъ усиленно доискивается большая часть людей?

Остается, по видимому, одна область въ которой независимость человѣка можетъ проявляться во всей своей полнотѣ. Это личная жизнь его духовночувственной природы. Здѣсь, кажется, онъ безграничный властитель, — единственная причина своихъ мыслей, желаній и дѣйствій; въ рукахъ его и самая чувственная жизнь, которую онъ можетъ направлять такъ или иначе, которую по своей волѣ можетъ продолжать или сокращать. Но все эти обнаруженія свободы человѣка суть въ тоже

время явленія, свидѣтельствующія о неизмѣнности законовъ человѣческой природы и о строгой зависимости отъ нихъ человѣческой жизни. Человѣкъ можетъ отступать отъ нихъ, но не чувствовать ихъ силы, не быть отвѣтственнымъ предъ ними онъ не можетъ. И тутъ свобода человѣка ограничена, и именно непреложными законами!

Тѣлесный организмъ человѣка самымъ своимъ существованіемъ доказываетъ уже то, что не слѣпой случай образовалъ этотъ организмъ, и что нарушать законы его организмъ не иначе можетъ, какъ подъ условіемъ тяжелой отвѣтственности предъ ними. Все въ организмѣ отвѣчаетъ своей причинѣ и дѣли. Органы устроены по самымъ строгимъ законамъ, что малѣйшее отступленіе отъ нихъ производитъ дисгармонію. Повредите зрительный нервъ, роговую оболочку, даже—менѣе того—уничтожьте покровъ глазнаго яблока—и зрѣніе исчезаетъ. Пусть переносится желудокъ пищею, оставится въ пренебреженіи моціонъ, не освѣжается воздухъ жилой комнаты притокомъ новаго матеріала для дыханія и освѣженія крови, пусть человѣкъ проводить безъ сна нѣсколько дней и ночей сряду, вообще пусть позволить себѣ всякаго рода излишества въ тѣлесной жизни; тогда изъ самаго здороваго человѣка онъ сдѣлается слабымъ и безжизненнымъ, и едвали, въ послѣдствіи времени, успеетъ возстановить свое здоровье. Человѣкъ—невольный исполнитель законовъ питанія, дыханія, сна, кровообращенія и другихъ законовъ. Даже въ

томъ случаѣ, когда человекъ по своему произволу лишаетъ себя жизни, онъ не независимъ отъ законовъ своей природы. Такъ извѣстно, что самоубійство бываетъ слѣдствіемъ ненормальнаго теченія жизни, нарушенія естественнаго порядка жизни. Самая невозможность возвратитъ себя жизнь не есть или очевидное свидѣтельство о законѣ и его строгости съ одной стороны, — объ ограниченности человека съ другой.

Требованію *совершенной независимости* не благоприятствуетъ и духовная жизнь человека. Въ основѣ ея положены также непреложные законы, отъ которыхъ — повторяемъ — человекъ можетъ отступать, но не чувствовать ихъ обязательной силы, не платиться за нарушение ихъ благомъ своей жизни — ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Исторія не говоритъ, будто было время, когда люди произвели сами и приняли логическіе законы: «тождества», «согласія» и «достаточнаго основанія»; а эти законы заявляютъ свои требованія при каждомъ движеніи мысли, ни у всѣхъ людей, ни находящихся на различныхъ степеняхъ умственнаго образованія. Малосмыслящее дитя — и оно съ недоумѣніемъ посмотритъ на васъ, если вы будете навязывать ему два несогласныхъ положенія, и не приметъ ни одного изъ нихъ, если не найдетъ причины, почему нужно думать такъ, а не иначе. Какъ бы человекъ ни заглушалъ своей совѣсти, но онъ не успѣваетъ въ этомъ совершенно. Преступникъ, совершившій тайное злодѣяніе, самъ, нерѣдко, объявляетъ о сво-

емъ преступленіи, и такимъ образомъ самъ просит-ся на наказаніе. Не также ли строги и дѣйствитель-ны законы воспріимчивости, самодѣятельности, по-степеннаго развитія, и всѣ, отличительные, част-ные законы каждой способности человѣческой ду-ши? Такъ, напр. нельзя узнать предмета, если не-совершенны внѣшнія чувства, и несоразмѣрно раз-стояніе между предметомъ познаваемымъ и лицомъ познающимъ. Нельзя самостоятельно мыслить, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній о предметѣ, и, не уста-навливая вниманія на одномъ опредѣленномъ пред-метѣ. Кто не желалъ бы разомъ дознать все, что только нужно знать; но законъ постепеннаго разви-тія человѣческаго является всегда съ полною сво-ею обязательностію. Трудами, усидчивыми и про-должительными трудами приобрѣтается знаніе, и то далеко неполное, оставляющее за собою нерѣшен-нымъ многое множество вопросовъ. Нѣтъ на землѣ ни одного человѣка, не потерявшаго вовсе смысла и чувства, который бы не сознавалъ въ то или дру-гое время, что жизнь далеко не достигаетъ идеала своего. И кто не рѣшался устроить жизнь по край-нему, лучшему, своему разумѣнію! Но сколько тутъ-то именно и встрѣчается опытовъ, которые свидѣ-тельствуютъ о безсиліи человѣка дѣйствовать со-вершенно независимо! Прогрессъ—совершенствованіе—въ мысли, на словахъ, рѣдко бываетъ прогрес-сомъ въ нравственной жизни человѣка. Оторваться, такъ сказать, отъ всего вообще, что приобрѣтено и усвоено душой въ теченіе прежней ея жизни, нѣтъ

никакой возможности. Отъ каждаго движенія мысли, отъ всякаго дѣйствительно испытываемаго чувствованія и желанія остаются въ душѣ впечатлѣнія, которыя, при частой повторяемости своей, и при воспріимчивости души, сливаются съ ея существомъ. Забавны, но психологически вѣрны рассказы, предметомъ которыхъ бываетъ человекъ—мужъ, давнымъ давно вышедшій изъ подъ строгаго надзора суровыхъ своихъ педагоговъ, но перѣдко переживающій во снѣ жалкое состояніе забитаго школьника. Такъ неискоренимо впечатлѣніе дѣтства, нѣсколько разъ повторявшееся! Впрочемъ, и независимо отъ этихъ условій—возраста и количества впечатлѣній, есть факты, которыми прямо отвергается мысль, будто человекъ можетъ видоизмѣнять жизнь свою по минутнымъ желаніямъ своимъ. Нѣжное сердце родителей недоступно будетъ для полныхъ, невозмутимыхъ ощущеній радости послѣ того, какъ ихъ любимый сынъ отнять у нихъ смертію. Скорбное чувство, однажды возбужденное этимъ несчастнымъ случаемъ, предносится надъ ихъ жизнію и омрачаетъ собой всякое другое чувство. Довольствуясь этимъ общеизвѣстнымъ, несомнѣннымъ фактомъ, всякій долженъ согласиться, что слишкомъ неосновательно доискиваться совершенной независимости и отрицать ограниченность человека.

Неразумность этого усиленнаго и всеобщаго желанія еще яснѣе открывается изъ того состоянія душевнаго, въ которое приходитъ чрезвычайный любитель безграничной свободы. Отрицая ограни-

ченія закона всеобщаго и разумнаго, онъ хочетъ быть самъ для себя законодателемъ. Но, становясь въ положеніе законодателя, поборникъ независимости, естественно, долженъ опредѣлять направленіе своей жизни во всякомъ случаѣ не такъ, какъ оно опредѣляется законами природы, премудрыми Творческими законами. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что искусство человѣческое ниже природы, и дѣла ума и рукъ человѣческихъ не имѣютъ достоинства, какое принадлежитъ произведеніямъ природы. И можетъ ли быть разумность въ самоуправствѣ любителя независимости, когда и самый разумъ его—источникъ мыслей и опредѣленій—не иначе существуетъ, какъ только подъ условіемъ ограниченія со стороны неизмѣнныхъ и всеобщихъ законовъ? Посягая на святость ихъ, онъ тѣмъ самымъ не отказывается ли отъ достоинства быть разумнымъ законодателемъ? И вотъ начало, изъ котораго проистекаетъ безчисленное множество нелѣпостей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и страшныхъ ограниченій, представляемыхъ жизнию безграничнаго либерала. Отъ законовъ своей природы человѣкъ, какъ извѣстно, не можетъ совершенно освободиться. Имѣя возможность нарушать, онъ не можетъ уничтожить ихъ. Нарушая положительную сторону закона, онъ подчиняется отрицательной. По тѣснѣйшей связи причины съ дѣйствіемъ, дѣйствія съ слѣдствіемъ, и т. д., или—лучше—по строжайшей логикѣ, которая имѣетъ свое, неизбежное значеніе въ чувствѣ и волю, какъ и въ умѣ, одна слѣланная погрѣшность

влечетъ за собой другую, другая—третью. Погрѣшности эти—*неминуемая* послѣдствія отрицанія законовъ, которыми обусловливается жизнь человѣка. По этому, чѣмъ чаще онъ происходитъ въ жизни человѣка, тѣмъ далѣе онъ отъ истинной своей жизни и тѣмъ ближе къ тѣлесной и духовной смерти. Такимъ образомъ, *безграничный* либераль *невольнo* подчиняется иному ограниченію и при томъ самому гибельному. Любитель *совершенной независимости* не терпитъ, на примѣръ, *труда*; отъ того умственное упражненіе оставляетъ въ пренебреженіи. Или: онъ не старается наблюдать за самимъ собой—въ полной увѣренности, что все, что только онъ ни дѣлаетъ, безукоризненно—хорошо. Безъ борьбы, безъ глубокаго, тяжелаго раздумья, или напряженія, течетъ его духовная жизнь. Но невыносимо горько, рано или поздно, называется такая независимость! Безсвязность, сбивчивость понятій, безсиліе памяти, тупость воображенія, упорство воли въ стремленіи по очевидно-опасному пути, пустота души, скорбь ея о невозможности начать новый, лучшій, образъ жизни, апатія къ жизни, самоубійство—вотъ неизбѣжнѣйшія послѣдствія, такъ называемой, полной свободы, или правильнѣе *произвола* человѣка! Ясно, что желать такой свободы можетъ только тотъ, кто не хочетъ или не можетъ строго смотрѣть на жизнь человѣческую. Свобода, понимаемая въ смыслѣ отрицанія всѣхъ законовъ—не свобода, а тяжелое, безвыходное, пагубное рабство. Истинная свобода состоитъ не

въ самоуправствѣ, не въ слѣпомъ произволѣ, а въ строгомъ подчиненіи Божественнымъ законамъ. Быть истинно свободнымъ, наслаждаться плодами истинной свободы—это значитъ, безъ сомнѣнія, первѣе всего сознать и потомъ чувствовать себя независимымъ отъ всего того, что стѣсняетъ духовную жизнь. У кого нѣтъ этого внутренняго, живаго, свидѣтельства свободы, тотъ рабъ, остающійся съ однимъ только желаніемъ свободы. Это больной, страдающій внутренними болѣзнями, для котораго нѣтъ утѣшенія въ томъ, что онъ можетъ ходить и дѣйствовать. Кто мыслить чужой головой, и не имѣетъ увѣренности въ своей способности судить здраво и основательно, кто въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется случайными внѣшними или внутренними побужденіями, и при всемъ томъ не можетъ вести себя по своему здравому разумѣнію, кто позволяетъ каждому движенію сердца, всякому чувству—увлекать свою волю въ данную минуту къ однимъ, въ иную—къ другимъ поступкамъ; тотъ долженъ рано или поздно самъ понять или узнать отъ другихъ, что у него-то именно и нѣтъ истинной свободы; что онъ не живетъ, а *прозябаетъ*, что онъ не болѣе, какъ *трость, вѣтромъ колеблемая*. Обстоятельства и страсти увлекаютъ такого человека въ разныя стороны, безъ всякой совершенно мысли о цѣли и пользѣ для жизни.

Истинная свобода, сказано, состоитъ въ подчиненіи закону Божественному. Гдѣ же этотъ путь къ истинной, вождѣленной свободѣ? Сознывая въ себѣ

стремленіе къ свободѣ, мы находимъ, при вниманіи къ себѣ самимъ, что для этого стремленія есть въ душѣ нашей законы, высшіе, обязательные для совѣсти человѣка, имѣющіе авторитетъ несравненно высшій, чѣмъ какой принадлежитъ и можетъ принадлежать человѣку; это внутренніе естественные законы, имѣющіе Божественное происхожденіе, начертанные въ нашей совѣсти и нашемъ умѣ. Эти законы общи всѣмъ людямъ, и потому древніе языческіе народы иногда проявляли дѣло законное, спослушествующей имъ совѣсти и помысламъ осуждающимъ или отвѣщающимъ (Рим. 2, 15.). По требованію этихъ внутреннихъ законовъ, люди всѣхъ временъ старались служить Высочайшему Существо—Богу, и такъ или иначе служили; по требованію этихъ законовъ, правда и добродѣтель заслуживаютъ невольное уваженіе человѣку даже у враговъ его; по требованію этихъ законовъ, совершенное добро сопровождается наградою совѣсти—ея миромъ и благословіемъ; а содѣянное зло, даже при всѣхъ кажущихся выгодахъ своихъ, производитъ въ душѣ угрызеніе и проклятіе совѣсти. Такимъ образомъ если человѣкъ можетъ быть самъ для себя закономъ, какъ это утверждаетъ и св. Писаніе (Рим. 2, 14); то это не значить, будто человѣкъ самъ творить законъ. Онъ самъ для себя законъ въ томъ смыслѣ, что Божественная воля начертала законъ въ самой душѣ его, что въ совѣсти его какъ въ зеркалѣ отражается воля Божія. А этимъ, очевидно, внушается не самоупреченіе и произ-

волю, а на противъ глубокое уваженіе къ внутреннимъ законамъ. Ихъ нужно уяснять себѣ, съ ними строго должно сообразовать жизнь свою. Какъ выраженіе воли премудраго Творца, они, естественно, должны вести, — и приводятъ къ полному благосостоянію нашу духовно-тѣлесную жизнь. По этому, исполняя ихъ, человѣкъ можетъ вступить и болѣе или менѣе вступаешь на путь истинно-свободной жизни, жизни богоподобной и блаженной.

А что принадлежитъ одному человѣку, какъ лицу, то должно сохраняться и въ обществѣ, какъ совокупности частныхъ лицъ. Законъ, обязательный для меня въ частной, домашней жизни моей, законъ требующій исполненія всеблагой и животворной воли моего Творца, обязательенъ для меня и въ жизни общественной; и тамъ я долженъ стараться объ исполненіи премудрой и всеблагой воли Божественной; потому что, переходя въ общественную жизнь, я остаюсь однимъ и тѣмъ же лицомъ, природа моя съ своими законами остается неизмѣнною. Но такъ какъ въ общественной жизни, при множествѣ частныхъ лицъ съ различными характерами, среди людей, которые будутъ благопріятствовать частной жизни, болѣе или менѣе выражающей волю Божию, встрѣчаются люди, которые злоупотребляютъ своею свободою, стѣсняютъ частную личную жизнь, а чрезъ это идутъ вопреки волѣ Творца, призвавшаго людей къ личной, блаженной, разумно-свободной жизни; то необходимо—вышнимъ опредѣленнымъ закономъ, основывающимся на законѣ внутреннемъ,—устано-

вить общія отношенія гражданъ и обезопасить Богодарованную личную жизнь. Естественно такимъ образомъ явятся законамъ общественнымъ, государственнымъ. Для членовъ общества—обязательно строгое и точное исполненіе ихъ. Добросовѣстное исполненіе этихъ вѣшнихъ законовъ, вызываемое внутренними законами, должно благопріятствовать достиженію истинной свободы чловѣка, опредѣляемой внутренними законами.

Мы сказали, что гражданскіе законы, вмѣстѣ съ внутренними указуютъ чловѣку путь истинно-свободной жизни. Но мы не должны забывать, что, и при этихъ законахъ, дорогая, истинная свобода рѣдко и очень рѣдко достигается, рѣдко является чловѣкъ съ достоинствомъ жизни разумно-свободнаго существа. Есть въ душѣ нашей законы; но они весьма часто, какъ показываетъ опытъ, заглаждаются, и ихъ голосъ уступаетъ силѣ страсти или слѣпаго случая; не всѣ такимъ образомъ сознаютъ требованіе и обязательное значеніе законовъ души, а если и сознаютъ, то рѣдко сознаніе оправдывается въ самой жизни. Такимъ образомъ, если свобода должна состоять въ сознательномъ подчиненіи закону, то нельзя надѣяться, чтобы одни внутренніе законы даровали чловѣку истинную свободу; а съ тѣмъ вмѣстѣ, естественно нельзя думать, чтобы законы гражданскіе, основывающіеся на внутреннихъ законахъ, ручались одни или вмѣстѣ съ внутренними—за совершенную разумно-свободную жизнь лица. Божественная воля безпредѣльна, а законы

гражданскіе выражаютъ ее только въ конечныхъ формахъ. Далѣе—законъ касается отношеній между людьми и такимъ образомъ имѣетъ въ виду только внѣшнюю жизнь—людей; слѣдовательно, при гражданскихъ законахъ, внутренняя жизнь человѣка можетъ идти своимъ путемъ добрымъ или злымъ, и къ несчастію, всего болѣе течетъ по послѣднему направленію. Членъ общества такимъ образомъ можетъ пользоваться правами гражданской свободы, но онъ можетъ далеко недостигать истинно—свободной жизни, и не ощущать въ себѣ внутренней гармоніи жизни, внутренняго блаженства. Итакъ, что же остается дѣлать человѣку съ пожизненнымъ требованіемъ своей природы—требованіемъ свободы? Отказаться вовсе отъ исполненія законовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ гражданскихъ, такъ какъ одни они не приводятъ къ истинной свободѣ, не даютъ живаго, невозмутимаго, блаженнаго чувства свободы? Но это значило бы, какъ сказано выше, стать совершеннымъ *рабомъ минуты*, и рѣшительно извратить свою естественную жизнь.—Ищутъ премудрые міра сего восполненія этой общечеловѣческой скудости, и не находятъ, да и не могутъ сами найти. Но премудрый и всеблагій Богъ Самъ спасаетъ человѣка отъ рабства и возвращаетъ ему достоинство разумно-свободнаго существа.

Аще Сынъ вы свободитъ, во истинну свободни будете... истину вамъ глаголахъ, юже слышахъ отъ Бога... и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы (Іоан. VIII, 32.). Такъ

вѣщаетъ людямъ Самъ Господь. Эта истина утаена отъ премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего, которые признають помраченный умъ человѣческой истинности, — и открыта младенцамъ — людямъ, которые съ дѣтскою простотою, чистосердечно принимаютъ, хранятъ и възгрѣваютъ святую Христову вѣру. Воспитываемые святою Церковію, — руководимые Духомъ (Божіимъ), который изливается на вѣрующихъ, истинные христіане не остаются при однихъ естественныхъ, человѣческихъ поврежденныхъ силахъ; имъ свѣтитъ непреложная истина — слово Божіе, ихъ укрѣпляетъ и охраняетъ благодать Божія; оттого не знаютъ они заблужденій гордаго и омраченнаго ума, не увлекаются слѣпыми страстями и обстоятельствами. *Все у нихъ, по слову Апостола, разумно; они не побѣждаются отъ зла, но побѣждаютъ благимъ злое*, они наслаждаются личною, истинно-разумно-свободною жизнію и вносятъ эту жизнь въ общественную среду; они одни — тѣ истинные побѣдители грѣха и тлѣнія, которымъ Творецъ, Промыслитель и Спаситель дастъ съести одесную Себе, егда придетъ во славу своей и вси святіи ангели съ Нимъ. Исторія св. Христовой Церкви самымъ очевиднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о высокомъ достоинствѣ жизни христіанской строго подчиненной ученію Христову. Исторія Церкви самымъ живымъ и убѣдительнымъ образомъ поучаетъ насъ той непреложной евангельской истинѣ, что подчиненіе закону Христову есть иго благое и бремя легкое, что этотъ тѣсный путь и

эти узкія врата вводятъ непосредственно въ истинно-свободную, блаженную и вѣчную жизнь духа. Кто возлагалъ и возлагаетъ на себя иго подчиненія закону Христову, тотъ обрѣталъ и обрѣтаетъ невозмутимый покой душѣ своей (Матѳ. V, 28—30).

Всиль Соловьевъ.
О православіи между Латышами и Эстами—въ прибалтійскихъ губерніяхъ (продолженіе) (*).

Ни одно въ свѣтѣ государство не начиналось въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ могущественная держава Русская, въ началѣ историческаго бытія своего. Ни одна держава христіанская, въ современномъ мірѣ, не имѣетъ такого огромнаго количества исповѣдниковъ *одной* какой бы то ни было *вѣры*, какъ государство Русское, считающее въ вѣдрахъ своей господствующей единой православной Церкви болѣе нежели пятьдесятъ (**) милліоновъ членовъ. Очевидно, сему исполнскому древу суждено быть *древомъ жизни* для всѣхъ народовъ Сѣвера и Востока, не безъ благой цѣли помѣщенныхъ подъ раскинувшимися вѣтвями его!!

Не наше дѣло знать времена или сроки (Дѣян. 1, 7.), когда это осуществится. Но мы не можемъ не сказать къ чести Россіи, что съ той самой минуты (988 г.), какъ Богъ просвѣтилъ ее истинною вѣрою во Иисуса Христа, она радушно старалась подѣлиться этимъ даромъ небеснымъ со всѣми ино-

(*) См. Вятск. Еп. Вѣдом. 1864 г. № 9-й.

(**) По отчету г. оберъ-прокурора Св. Синода за 1860 годъ считалось, *кромѣ армейскаго и флотскаго вѣдомствъ*, всѣхъ православныхъ въ 1859 году 51,474,209 душъ.

племенными народами, постепенно входившими въ составъ ея. Не оружіемъ и лестию, не насиліемъ и угрозами она принуждала народы ей подвластные подчиниться *благому иму Христову*; но примѣромъ князей своихъ (*) и безъискусственной проповѣдію простыхъ пастырей своихъ, матерински приглашала она всѣхъ жаждущихъ къ неоскудному Источнику *воды живой*, къ Тому, который Одинъ есть *путь и истина, свѣтъ и жизнь*, терпѣливо предоставляя поистинѣ Божіе дѣло—окончательнаго распространенія и утвержденія Вѣры и Церкви посреди язычества—Самому Богу. И Богъ благословилъ апостольскіе труды Россіи: въ короткое время православіе повсюду въ ней глубоко пустило корни свои. Безъ шума и огласки, *тихо*, незамѣтно, но ощутительно росла и множилась паства Церкви, до самыхъ крайнихъ предѣловъ тогдашней Россіи.—Отъ этой-то скромности и смиренія первыхъ проповѣдниковъ христіанства въ Россіи, отъ этой-то *тишины въ ходѣ* распространенія и утвержденія сего дѣла *Божія* въ нашемъ отечествѣ, мы очень скудныя имѣемъ свѣдѣнія о первыхъ успѣхахъ христіанской проповѣди въ Россіи вообще, и почти никакихъ—у ино-

(*) Сочинитель лѣтописи 1158—1226 г.—(о ней скажется послѣ), пиша въ духѣ *латинской пропаганды*, и по этому съ укоризною русскимъ князьямъ, однакожъ нѣхотя высказываетъ ту отрадную истину, что русскіе князья издревле *никого* изъ языческихъ своихъ подданныхъ *не принуждали* къ православію. «Est... consuetudo Regum Ruthenorum, quaecumque gentem expugnaverint, non fidei Christianae subicere...» см. Scriptores Rerum Livonic. Dritte Lieferung. 1849. на стран. 166.

родцевъ ея въ частности. По этой же причинѣ, въ русскихъ лѣтописяхъ ничего не сказано, кто, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ въ первый разъ распространилъ *православіе* между *Латышами* и *Эстами*,—съ самыхъ первыхъ временъ историческаго бытія Россіи подвластными ей. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что русская Церковь *первая* начала засѣвать *глаголы Духа жизни* въ душахъ первыхъ обитателей нынѣшняго Остзейскаго (*) или Прибалтійскаго края; и если бы не воспрепятствовали ей несчастныя тогдашнія для Россіи политическія обстоятельства, то русская Церковь не уступила бы въ томъ краѣ мѣста другимъ вѣроисповѣданіямъ. Впрочемъ она и не уступила совсѣмъ и навсегда: не смотря на огонь и мечъ западныхъ проповѣдниковъ въ послѣдствіи пришедшаго Латинства,—не смотря на притѣсненія и нетерпимость еще позже наступившаго протестантства, русская Церковь мужественно боролась съ препятствіями;—умаляемая въ числѣ членовъ между Латышами и Эстами, она никогда не погасала въ нихъ окончательно,—и, сквозь рядъ такихъ трудныхъ вѣковъ такой утомительной борьбы, хотя въ маломъ числѣ избранныхъ, но съ торжествомъ встрѣтила счастливое *возвращеніе* Остзейскаго края къ

(*) Ost—See восточное море. Такъ западные народы, особенно жители Скандинавскаго полуострова называли Балтійское море, по *географическому его положенію* въ отношеніи къ нимъ. Отъ *западныхъ* писателей это названіе перешло и къ намъ, и вошло въ употребленіе, хотя безъ всякаго основанія—въ смыслѣ географическомъ.

Россіи,—и—въ новѣйшія времена—легла въ основаніе обильнѣйшей жатвы Православію въ семь краѣ, для счастія Латышей и Эстовъ.

Такъ—Россія первая начала просвѣщать христіанствомъ подвластныя ей идолопоклонническія племена прибалтійскихъ нынѣшнихъ губерній. Эта истина засвидѣтельствована не русскими только лѣтописцами, которыхъ иной, пожалуй, въ этомъ дѣлѣ заподозрилъ бы въ пристрастіи; но самыми иностранцами, въ концѣ XII вѣка прибывшими въ сей край и принадлежавшими къ другому вѣроисповѣданію, всегда и вездѣ недоброжелательному русской Церкви. По сказанію лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Генриха Латыша (*) (въ ней описываются событія отъ 1158 по 1226-й годъ), писанной римскимъ католикомъ—очевидцемъ, нѣмецкіе миссіонеры, съ мечемъ и огнемъ проповѣдывавшіе латинство во всѣхъ мѣстахъ, обитаемыхъ Латышами и Эстами, нигдѣ не встрѣтили, кромѣ православныхъ, другихъ какихъ-нибудь христіанъ, ни одной латинской церкви или часовни, ни одного римскаго католика; между тѣмъ по берегу Двины, вверху по теченію ея—до Динабурга (**), также въ нынѣшнихъ

(*) Лѣтопись сія писанная по латыни въ 1-й разъ издана вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ и примѣчаніями Юан. Данииломъ Груберомъ подъ заглавіемъ: *Origines Livoniae sacrae et civilis...* Francofurti et Lipsiae 1740 an. Въ послѣднее время именно 1849 г. она снова издана въ Ригѣ и Лейпцигѣ въ *Scriptores rerum Livonicarum—Dritte Lieferung.*

(**) Основаннаго Ливонскими рыцарями въ послѣдствіи, именно 1275 г.

уѣздахъ: въ Венденскомъ, Вольмарскомъ и Валкскомъ (это между Латышами), Верровскомъ и Дерптскомъ (это между Эстами) находили они *русскія церкви* съ русскимъ духовенствомъ, и прихожанъ—грековосточной церкви (какъ о томъ скажется далѣе). Но, можетъ быть, это были греки-католики, признававшіе надъ собою власть римскаго папы, или такъ называемые *уніаты*?—Нѣтъ!—Нѣмецкіе миссіонеры нашли въ разныхъ мѣстахъ завоеваннаго ими края Латышей и Эстовъ—*православныхъ*, членовъ истинной православно-каѳолической русской Церкви, чуждавшихся папской гордости, папскаго преобладанія, какъ несогласнаго съ духомъ ученія Христова. Ибо тогда (въ XII и началъ XIII столѣтія,—не говоря уже о XI и X вѣкахъ) и нигдѣ не существовали уніаты, тѣмъ паче въ Россіи и у подвластныхъ ей инородцевъ. А важнѣе то, что а) нѣмецкіе миссіонеры—паписты не стали бы преслѣдовать, уничтожать русскія церкви, стѣснять права и совращать въ свою вѣру Латышей и Эстовъ—православныхъ, какъ описывается это въ лѣтописи Генриха Латыша (какъ увидимъ ниже), еслибы эти православные Латыши и Эсты—*вмѣстѣ съ Русскими признавали тогда надъ собою власть папы*, и б) сами папы не называли бы греко-русской Церкви, къ которой принадлежали найденные нѣмецкими миссіонерами православные изъ Латышей и Эстовъ, *схизмою*, и исповѣдниковъ ея—*схизматиками, невѣрными*, которыхъ надобно истреблять наравнѣ съ язычниками,—какъ это писали папы во многихъ

своихъ посланіяхъ къ польскимъ, прусскимъ, или ливонскимъ римско-католическимъ властямъ въ XII, XIII (*) и слѣдующихъ вѣкахъ, и чего они, конечно, не сдѣлали бы, если бы тогда греко-русская восточная Церковь въ *Латышскихъ* и *Эстскихъ* членахъ своихъ была въ зависимости отъ папъ, если бы была униатскою.

Православіе первоначально шло къ Латышамъ и Эстамъ—съ одной стороны изъ *Новгорода и Пскова*, съ другой же стороны изъ *Полоцка*.—Ярославъ Владиміровичъ, въ 1050 году основавшій *Юрьевъ* (Дерптъ) построилъ въ немъ двѣ православныя церкви, одну—во имя святаго Николая Чудотворца, другую же—во имя своего ангела, великомученика Георгія (Ярославъ имѣлъ христіанское имя—Георгій). Въ 1254 году послѣднюю церковь (св. Георгія) великолѣпно вновь перестроилъ князь Святославъ Всеволодовичъ (**). По сказанію Арндта, въ 1245 г. псковскій князь Ярославъ Владиміровичъ отказалъ на юрьевскую церковь въ завѣщаніи своемъ половину своего наслѣдства (***). Обѣ сии церкви существовали въ Дерптѣ до XVI столѣтія, какъ ниже сего увидимъ. Въ 1209 году, по лѣтониси Генриха Латыша, Русскіе изъ *Новгорода и Пскова* обрати-

(*) Акт. историч. Турген. Спб. 1841 г. т. I. докум. XII, XXI, XXVIII, XXXIV, XXXVI, LXVI, и CXVIII. т. II. 1842. г. докум. VI. стран. 350.

(**) См. полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. I. 1846 г. на стр. 196.

(***) Истор. княж. псковск. ч. III. Кіевъ, 1831. стран. 7 п. 9.

ли къ православію многихъ Эстовъ въ **Оденнэ** (*)—
въ пограничныхъ мѣстахъ нынѣшнихъ Дерптскаго и
Верроскаго уѣздовъ (въ древней—Унганніи). () III

Р. С. А. П.

(Продолженіе будетъ).

Объявленіе.

Отпечатана и поступила въ продажу книга:

**Публичныя чтенія о НЕВЪРІИ, преимущественно
современномъ.**

Составлены эгетраорд. профес. С. Петербургской Духовной Академіи **Андреемъ Предтеченскимъ**. 1864 г. Цѣна 1 р. безъ пересылки, съ пересылкою 1 р. 25 коп.

(Выписывающіе не меньше **четыре**хъ экземпляровъ на пересылку ничего не прилагаютъ.)

Требованія на книгу адресовать **преимущественно** въ канцелярію Правленія С. Петербургской Духовной Академіи, а также и къ книгопродавцамъ: Кораблеву, Овсянникову, Кожанчикову, Давыдову и къ другимъ книгопродавцамъ въ С. Петербургѣ.

(*) Script. rer. Livon. вып. 3-й 1849 г. XIV. стран. 138. Но латинскіе миссіонеры совратили ихъ. За что въ 1215 г. Псковитяне грозили Унганційцамъ—Эстамъ войною; Rutheni indignati contra Ungannenses, eo quod baptismum Latinorum acceperunt; et suum, id est Graecorum contemserunt, bellum eis comminantes, censum ac tributum ab eis exegerunt.—Ibid. XX. стран. 202.

СОДЕРЖАНІЕ: I) Поученія, выбранныя изъ св. отецъ (продолженіе) Слово... Что значитъ быть свободнымъ. II) О православіи между Латышами и Эстами (продолженіе). Объявленіе.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна годовому изданію, въ редакціи, 4 р.; а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ, или съ пересылкою въ другія мѣста,—5 рубл. Подписка принимается въ редакціи сихъ Вѣдомостей, при вятской духовной консисторіи.

Редакторъ, ректоръ семинаріи, **Архимандритъ Павелъ**.

Дозволено цензурою. 30 апрѣля 1864 года.

Вятка. Въ типографіи К. Блинова.